

Сигурд Шмидт

КАРАМЗИН – НАШ КУТУЗОВ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА*

Аннотация. Рассматривается творческий путь выдающейся личности, исторического деятеля, писателя и реформатора русского языка Николая Михайловича Карамзина [1 (12) декабря 1766 – 22 мая (3 июня) 1826]. Вклад Н.М. Карамзина в историческую науку огромен и ознаменован созданием «Истории государства Российского» – одного из первых обобщающих трудов по истории России. Представлена хроника жизнедеятельности и творчества ученого в контексте социокультурных и исторических условий. Раскрываются важнейшие понятия, составляющие мировоззрение Н.М. Карамзина, его представления о соотношении исторической науки, духовной и нравственной деятельности человека, взгляд на современное значение литературоведения, журналистики и истории.

Ключевые слова: история; общество; общественное сознание; нравственность; философия; психологизм; личность; развитие.

Abstract. *Creative life of Nikolai Karamzin (1766–1826) – an outstanding personality, a writer, a historical figure and a reformer of Russian language is discussed in the article. The contribution in historical science made by N.M. Karamzin is huge and highlighted with the creation of the «History of the Russian State», one of the first comprehensive works on the history of Russia. The chronicle of his life and work in the context of socio-cultural and historical conditions is presented. The article reveals the most important concepts, which present everyday and scientific outlook of N.M. Karamzin, his ideas about the interrelation of historical science, spiritual and moral activities of a human being, his opinion about the present value of literature, journalism and history.*

Keywords: *history, society, social consciousness, morality, philosophy, psychology, personality, development.*

* Одноименный доклад С.О. Шмидта был сделан на Международной научной конференции «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы», проходившей 7 октября 2012 года в здании Государственного исторического музея и на научном лектории XIX Всероссийских чтений юношеских исследовательских работ им. В.И. Вернадского 11 апреля 2012 года в ДНТТМ МГДД(Ю)Т. В основе публикуемого текста – материалы выступлений на этих двух мероприятиях. Сокращенная автором версия публикуется в журнале «Исследователь/Researcher». В журнале «Развитие личности» публикуется полная версия статьи.

Усиление внимания
к истории в России

Н. М. Карамзин
и начала
национального
исторического
самосознания
в России

Рассмотрение
истории России
в общемировом
контексте

Выбор для заголовка статьи слов писателя князя П. А. Вяземского обусловлен тем, что в 2012 году, объявленном Годом российской истории, усиливается внимание не только к прошлому и его взаимосвязям с настоящим и будущим, но и к тому, как добываются и распространяются исторические знания, каковы приемы работы историка и взаимодействие исторических наук и других наук и сфер общественного сознания, особенно общественно-политического сознания.

В России первичное проявление общего интереса ко всему этому у читающей публики связано с изданием «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. Первые восемь томов из двенадцати вышли в свет в 1818 году, когда и в России, и за ее рубежами все находились под впечатлением развала империи Наполеона I, подчинившего французскому владычеству значительную часть Европы. Началось это с поражения в войне с Россией – в Отечественной войне 1812 года. В 1815 году русские войска вступили в Париж.

Наполеон был гениальным полководцем, выдающимся государственным деятелем, образ которого формировал во всем мире представление о том, чего можно достигнуть личным дарованием, энергичной целеустремленностью, умелым отбором соратников в военных начинаниях и советников в государственных преобразованиях. Он потерпел поражение, когда переоценил свои возможности, начав войну недостаточно осведомленным о потенциале России и образе поведения россиян. И потому события эти побуждали к размышлениям о том, почему именно России оказалось по силам положить предел экспансии наполеоновской империи на территории других стран? какова роль России в событиях мировой истории? что предшествовало в нашем прошлом таким победоносным свершениям?

И путь развития России в большей мере, чем прежде, стал рассматриваться в общемировом контексте. А поскольку многие россияне, и прежде всего армейская молодежь, ознакомились с общественной жизнью и культурой Западной Европы, то они стали сопоставлять увиденное там с российским настоящим и российским прошлым. Тогда стремительно развивалось национальное самосознание.

Представляя императору Александру I плод своих «усердных двенадцатилетних трудов», Н. М. Карамзин сам на первой же странице многотомного издания указывает на взаимосвязь его с одержанной «победою, когда... новая эпоха наступила» [1, с. 11]. Парижский

мирный договор между участниками последней анти-французской коалиции – Россией, Англией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Францией, где была восстановлена власть Бурбонов, – с другой был подписан 20 ноября 1815 г. Посвящение императору Александру I «самодержцу Всея России» датировано Н. М. Карамзиным 8 декабря 1815 г. «Предисловие» к первым восьми томам «Истории государства Российского» датировано историографом 7 декабря 1815 г.

Воздействие
«Истории
государства
Российского» на
общественное
сознание в России

Выход в свет именно в ту пору «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина заметно воздействовал на общественные воззрения, на стиль воспитания образованности у россиян, на формирование представлений об отечественных исторических традициях и сразу же существенно расширил возможности дальнейшего исследования нашего прошлого учеными, установления его взаимосвязей с настоящим и будущим, и обращения к российской истории в произведениях художественной литературы и искусства.

Появление книг
Карамзина наделало
много шуму

Широко известно написанное А. С. Пушкиным о впечатлении первых читателей «Истории» Н. А. Карамзина в автобиографических записках 1828 г. Полагают, что это повторение мемуарных записей 1822 г., уничтоженных автором при известии об аресте декабристов. А. С. Пушкин писал: «...Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов Русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, три тысячи экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для всех новым открытием.

Древняя Россия
найдена
Карамзиным, как
Америка – Колумбом

Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили...». Поэт тогда «занемог гнилой горячкой», но «друзья навещали» его «довольно часто» и «их разговоры сокращали скучные вечера» – вспоминал Пушкин [2, с. 305]. В ту пору высказывания А. С. Пушкина передавались уже из уст в уста – оппозиционно настроенные молодые люди восхищенно повторяли противояраристские его стихи, остроты, эпиграммы. К слову поэта прислушивались и люди консервативных убеждений. И можно предположить, что передача суждений А. С. Пушкина, делившегося мыслями о прочитанном с посещавшими его, формировала первичные впечатле-

ния об «Истории государства Российского» в петербургском свете.

Сильное впечатление у первых читателей «Истории» Карамзина

Наблюдение А. С. Пушкина о «сильном впечатлении» первых читателей «Истории» Н. М. Карамзина подтверждается многими свидетельствами и того времени, и мемуарными. Такие данные попытался собирать уже М. П. Погодин, подготовивший в 1866 г., к столетию со дня рождения Н. М. Карамзина книгу материалов для его биографии. С наибольшей полнотой это сделано Н. Я. Эйдельманом в книге «Последний летописец» (1983).

Труды Карамзина были с жадностью приняты публикой

После выхода в свет первого тома «Истории русского народа» Н. А. Полевого А. С. Пушкин счел нужным печатно напомнить о восприятии и первых восьми, и последующих книг «Истории государства Российского» (1830) в редактируемой им «Литературной газете»: «...Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера...» [3, с. 121]. И в 1825 г., после издания X и XI томов «Истории государства Российского», А. С. Пушкин восклицает: «Что за чудо эти два последних тома Карамзина! какая жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'hier*» (Это злободневно, как свежая газета! – С. III.). И позднее, в 1860-е гг., когда Л. Н. Толстой, замыслив написать роман о декабристах, готовился воспроизвести атмосферу аристократического салона (как позднее он это сделал в «Войне и мире», изображая салон фрейлины Шерер), то темой общего разговора писатель намеренно избрал рассуждение о вышедших в свет в 1824 году одновременно X и XI томах «Истории государства Российского» [4] (хотя выход их имел меньший резонанс, чем издание первых восьми и тем более девятого тома, посвященного второй половине периода правления Ивана Грозного).

«Он спас Россию от нашего забвения, воззвал ее к жизни...»

Из письма П. А. Вяземского А. И. Тургеневу, написанного в Петербурге 9 ноября 1836 г., читаем: «Карамзин – наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашего забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в Двенадцатом годе» [5, с. 356].

Александр Сергеевич Пушкин, князь Петр Андреевич Вяземский, Александр Иванович Тургенев, семья Карамзиных – все они из небольшого дружеского круга тесно связанных между собой образованных аристократов, близких друг к другу и по общественно-политическим интересам, и по литературным пристрастиям.

Наставник
и хранитель
бессмертный
Карамзин

Супруги Вера Федоровна и Петр Андреевич Вяземские в тяжкие для А. С. Пушкина преддуэльные месяцы особенно часто встречались с ним. Вяземский – брат жены историографа Екатерины Андреевны, одной из самых замечательных русских женщин пушкинской эпохи. В подмосковном имении Вяземских Остафьево Н. М. Карамзин писал первые тома своей «Истории», вышедшие в 1818 г., частично и девятый том. П. А. Вяземский, с юных лет опекаемый по просьбе умиравшего отца Н. М. Карамзиным, в молодые годы в стихах, а в последние десятилетия жизни – в стихах и в мемуарной прозе не раз упоминает Н. М. Карамзина. Он готов был вступить в бой с теми писателями и учеными, которые пытались ущемить авторитетность написанного Н. М. Карамзиным. В своих ранних стихах П. А. Вяземский писал:

*Наставник и хранитель,
Бессмертной Клии сын,
Трудами утомленный,
Под кров уединенный
Придет вкусить покой...*

(«К подруге», 1813–1815 гг.)

*...Карамзин, честь края своего,
Сокрывшихся веков отважный собеседник,
Наперник древности и Ливия наследник...*

(«Ответ на послание Василию Львовичу Пушкину», 1825 г.).

*О, Карамзин! Ты здесь с любимыми творцами;
В душе твой образ слит с священными мечтами...
Ты юности моей взлелеял сирий цвет,
О, мой второй отец! любовью, делом, словом
Ты мне был отческим примером и покровом...*

(«Деревня», 1817 г.) [6, с. 600].

Всё русское
просвещение
начинается,
вертится
и сосредоточивается
в Карамзине

После кончины Н. М. Карамзина П. А. Вяземский лаконично сформулировал представление о его исторической роли у лиц своего круга: «Все русское просвещение начинается, вертится и сосредоточивается в Карамзине» [3].

А. С. Пушкин в 1830-е гг. – постоянный посетитель салона Карамзиных, где собирались причастные к литературе аристократы. А. И. Тургенев, в молодые годы помогавший историографу подбирать материалы для его «Истории», оставался всегда другом и его семьи, и

Пушкина, информировавший его обо всем новом в России, и за рубежом (вскоре ему будет доверено отвезти тело А. С. Пушкина для захоронения в Святогорский монастырь Псковской губернии). К тому же узкому дружескому кругу можно отнести и поэта Василия Андреевича Жуковского – друга братьев Тургеневых с московских студенческих лет, с 1826 г. главного наставника-воспитателя цесаревича Александра Николаевича – будущего царя Александра II.

Осознание значения
«Истории»
Н. М. Карамзина
в кругу литераторов

Суждения П. А. Вяземского о значении «Истории» Н. М. Карамзина сходны с суждениями А. С. Пушкина 1820-х гг. В этом кругу «литераторов-аристократов» (как обозначил его А. С. Пушкин) устойчиво придерживались суждений (мнений и оценок) об «Истории государства Российского», сложившихся у них еще при жизни историографа. А. С. Пушкин, написав по возвращении из ссылки в 1826 г. по заданию царя записку «О народном воспитании», утверждал: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять и окончательные годы (т.е. в последние годы обучения. – С. III.) умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренне и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений» [3]. Показательно употребление дважды определения «подвиг» к оценке труда Н. М. Карамзина, а следовательно, и его направленности, и направленности, желанной для государственной деятельности! А В. А. Жуковский положения «Истории» Н. М. Карамзина сделал главными в плане не только обучения наследника престола истории, но и воспитания его общественного сознания [7, с. 425].

П. А. Вяземский
выражал опасение,
что историки более
молодого поколения
недооценят
содеянного
Карамзиным

И у П. А. Вяземского, и у А. И. Тургенева (петербуржца, оказавшегося в то время в Москве) было в обычае постоянно делиться информацией и о близких им людях, и о новостях литературной и общественно-политической жизни. В письме П. А. Вяземского сведения и о А. С. Пушкине, а рассуждения об «Истории государства Российского» вызваны критикой ее в среде историков и опасением того, что включающиеся в обсуждение научного наследия Н. М. Карамзина историки более молодого поколения (М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов) не поймут и недооценят содеянного Н. М. Карамзиным на научном поприще.

Н. М. Карамзин –
настоящее и будущее
России

В аспекте данной статьи существеннейшее в словах П. А. Вяземского – прямое сравнение подвига Н. М. Карамзина с подвигом М. И. Кутузова, содеянного Н. М. Карамзиным для познания прошлого России с содеянным М. И. Кутузовым для настоящего и будущего России.

Столь выразительная ассоциация вызвана, прежде всего, происходившим в общественной жизни именно в то время, когда собирались отмечать 25-летие победы в войне 1812 г. и снова многообразно напоминали о событиях того времени: в 1834 г. в столице была открыта Александровская колонна, готовились к празднованию годовщины битвы на Бородинском поле и к закладке на новом месте Храма Христа Спасителя, задуманного как памятник 1812 году, уже появился основной массив воспоминаний участников войн 1812–1815 гг. (не все, конечно, публиковалось, но стремление составить такие мемуары владело умами) [8; 9].

Роль Отечественной
войны в народном
воспитании

Возбужденная память о событиях тех славных лет вызывала тогда образ их в сочинениях писателей разного калибра. Самое замечательное из этих сочинений «Бородино» М. Ю. Лермонтова, написанное в 1836 г., закрепилось в сознании и как эталонное определение восприятия событий 1812 года, и как образец «народного воспитания» историей (если использовать пушкинское выражение).

Познание места
России и россиян
в мировой истории

Для творчества А. С. Пушкина Отечественная война – одна из сквозных тематических линий; и в трудах пушкинистов немало наблюдений такого рода. Первая слава пришла к юному поэту с публикацией лицейского стихотворения «Воспоминания в Царском селе», где изображены московские события 1812 г. и упоминается «воитель поседелый». В стихотворении «Наполеон» (1821), написанном под впечатлением его кончины, уже философско-политологические соображения о значении этих событий и для судьбы Наполеона, и для познания места России и россиян в мировой истории:

*Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем как дара;
Но поздно русских разгадал...;
<...>
он русскому народу
Высокий жребий указал. ..*

Знаменательно возвращение к этой теме именно в 1835–1836 гг. В 1835 г. написано стихотворение «Пол-

ководец», где поэт не только размышлял о М. Б. Барклае де Толли, его оценке при жизни и роли в истории, но и указывал на «вечную память двенадцатого года» и описывал Военную галерею Зимнего дворца. В январе 1836 г. А. С. Пушкин писал послание Д. В. Давыдову, начав его словами: «Тебе певцу, тебе герою!». В 1836 г. А. С. Пушкин печатает в своем журнале «Современник» написанный в 1831 г. прозаический фрагмент под названием «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)» с пометой «С французского» (более известный как «Рославлев»), предисловие к запискам Н. А. Дуровой и отклик на издание «Кавалерист-девица».

В «Современнике» же в 1836 г. напечатали стихотворение «Полководец» и «Объяснение» (в связи с толками о якобы проявлении в этих стихах неуважения к памяти М. И. Кутузова) с самыми лестными словами о великом полководце: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены...» [4].

Оценка
А. С. Пушкиным
труда
Н. М. Карамзина

Важно и то, что на страницах журнала «Современник» в том же 1836 году прозвучала высокая оценка А. С. Пушкиным «Истории» Н. М. Карамзина – краткий, рекламного стиля, отзыв на издание трудов П. М. Строева «Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина» как «необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина» [2]. В примечаниях к фрагменту записки «О древней и новой России» Н. М. Карамзин назван «великим нашим соотечественником» [4]. В статье «Российская Академия» Пушкин приводит мнение Н. М. Карамзина о роли и значении первого толкового словаря русского языка, подготовленного и изданного Академией. А в «маленьком отступлении» в «Рославле» при сопоставлении современной российской и зарубежной прозы говорится: «В прозе имеем мы только “Историю” Карамзина» [3]. Так же оценивал прозу Н. М. Карамзина и П. Я. Чаадаев, когда писал А. И. Тургеневу в 1838 г.: «Для того, чтобы писать хорошо на нашем языке, надо быть необыкновенным человеком, надо быть Пушкину или Карамзину» [10, с. 402]. Даже в трагический день дуэли 27 января 1837 г. А. С. Пушкин, можно полагать, обратился мыслью и к «Истории» Н. М. Карамзина, знакомясь с составленной на ее основе книгой А. О. Ишимовой «История России в рассказах для детей». В последнем в жизни А. С. Пушкина письме читаем: «...Сегодня я нечаянно открыл Вашу “Историю в рассказах” и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..» [2].

«Высокий пример
Карамзина»

Для А. С. Пушкина и его окружения очень значимы были и личность историографа, его образ жизни и поведения, ощутимые всеми мудрость и доброжелательность, самоуважение и независимость мысли. При упоминании имени Н. М. Карамзина А. С. Пушкин обращался к эпитету «высокий» («Чистая высокая слава Карамзина принадлежит России», «высокий пример Карамзина», «человек высокий») [11, с. 30; 12, с. 541–554].

Воззрения
историографа
оставались в поле
зрения
А. С. Пушкина

Прошлое, запечатленное в «Истории» Н. М. Карамзина, и политологические воззрения историографа постоянно оставались в поле зрения А. С. Пушкина, по крайней мере со времени его работы над драмой «Борис Годунов». А когда поэт решил заняться сочинением исторических трудов, он стал серьезно размышлять и о научной методике («критике») Н. М. Карамзина, и о его литературной стилистике [3], восхищаясь «прелестью» и уместностью апофеизма, глубокомыслием «Предисловия». Ставшая крылатой фраза «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец» (в рецензии на книгу Н. А. Полевого «История русского народа») вышла из-под пера А. С. Пушкина почти в то же время, что и характеристика в рецензии на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» любимого писателя Н. М. Карамзина – Вальтера Скотта, «шотландского чародея», умевшего управлять вызванными им «демонами старины» [2]. И адресованы были эти соображения одному и тому же читателю «Литературной газеты» 1830 года.

Тесно связанный с А. С. Пушкиным и теми, кто был причастен к изданию «Современника», и поставлявший другу свежую информацию – предположения об интересовавшем их всех, памятный Вяземский отразил в наскоро написанном письме тексты и разговоры их круга. Для них для всех Отечественная война – «величайшее событие отечественной истории», а труд Н. М. Карамзина об отечественной истории – значительнейшее явление общественной и культурной жизни в первые послевоенные годы.

Превращение
писателя в историка

На работе по подготовке многотомной отечественной истории Н. М. Карамзин сосредоточился лишь с 1803 г. Осознание необходимости создания такого труда, который стал бы привлекательным и для соотечественников, и для иностранцев и не уступал бы лучшим образцам современных зарубежных сочинений по истории, пришло к нему еще в начале литературного пути. И потому темы превращения писателя в историка и литературно-художественное мастерство как суще-

ственная и показательная особенность Н. М. Карамзина-историографа привлекали многих литературоведов и историков – особо значимо в этом плане из работ недавних десятилетий написанное Ю. М. Лотманом, Н. Я. Эйдельманом, В. П. Козловым, Г. П. Макогоненко, Н. Д. Кочетковой, Л. А. Сапченко, Ю. С. Пивоваровым, Д. П. Николаевым. Приходилось об этом писать и мне*.

* * *

«История государства Российского» – отображения народного самосознания

К тому времени в представлении читающей России распространилось уже понимание того, что отечественность должна быть первым предметом нашей литературы, и в литературе, как и в изобразительном искусстве, все более заметной становилась тематика отечественной истории давних лет. Постепенно все более расширялся и круг лиц, заинтересованных в познании отечественной истории, и особенно местной истории.

И до Н. М. Карамзина написанием многотомной истории своего отечества на основании изучения многообразных исторических источников занимались уже образованные аристократы, успешно проявившие себя и в других сферах культуры и общественной деятельности. Во второй четверти XVIII в. – В. Н. Татищев, «птенец гнезда Петрова», зодчий многих наук в России, в последней трети XVIII в. князь М. М. Щербатов, видный публицист и государственный деятель; и у обоих авторов повествование обрывается при изложении событий Смутного времени начала XVII в. (как позднее и в «Истории» Н. М. Карамзина). Но Н. М. Карамзин был первым автором, к чьему труду по отечественной истории проявилось внимание широкого читателя, воспринявшего его и как высшее в ту пору достижение нашей художественной литературы. «История» Н. М. Карамзина так сильно повлияла на историческое сознание россиян, и особенно на формирование представлений о событиях и лицах отечественной истории.

* В кн.: Шмидт С. О. Памятники письменности, перепечатаны статьи: «Н. М. Карамзин и его “История государства Российского”» (1990), «“Примечания” в книгах “История государства Российского” Н. М. Карамзина – веха в развитии исторической науки и книжной культуры» (2001), «“История государства Российского” Н. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры» (1989), «“История государства Российского” в культуре дореволюционной России» (1988), «“История государства Российского” Н. М. Карамзина в культуре российской провинции» (1996), «Пушкин и Карамзин» (1992), «Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)» // Портреты историков. Время и судьбы. М., Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 25–37 и др.

Восприятие
«Истории
государства
Российского»
объясняется
обстоятельствами
общественной жизни

Восприятие «Истории государства Российского» первыми читателями объясняется и обстоятельствами российской общественной жизни тех лет, и тем, что именно в Н. М. Карамзине наблюдается счастливое совмещение дарований мыслителя и писателя, а также редкостной образованности и любознательности, чуткого ощущения склонностей и вкусов читательской аудитории. К тому же он обладал опытом знакомства с традициями и русской культурной среды, и с культурным обиходом европейского зарубежья, который старались освоить образованные россияне той эпохи.

Начало большого
пути

Н. М. Карамзин, если можно так выразиться, – историк-самородок, не получивший специального образования и не имевший опыта занятий памятниками истории и собирания таких памятников. Но впечатления его жизненного пути и многосторонность и направленность литературной деятельности обусловили формирование в его лице историка-просветителя, отвечавшего представлениям образованной публики той поры об идеальном «дееписателе».

Среда семьи
помогала набраться
«духа русского
и благородной
дворянской
гордости»

Среда общавшихся с его отцом помещиков Симбирской губернии, где провел юные годы родившийся в 1766 г. Н. М. Карамзин, не походила на Скотининых и Простаковых фонвизинского «Недоросля». Талантливый сатирический гротеск этой комедии не следует принимать за типологическое изображение всех, кто владел крепостными. Не забудем, что сверстниками Митрофанушки были и родители, воспитавшие декабристов и А. С. Пушкина и его друзей. В автобиографической повести «Рыцарь нашего времени» отмечается, что «словоохотливые беседы» и «анекдоты старины» знакомых его отца помогали мальчику набраться «духа русского и благородной дворянской гордости», а знакомство с романами из книг библиотеки матери образовывали «ум и чувство», и душа его плавала «в свете книжном, как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокровища». (Не под впечатлением ли этого текста 1802 г. памятный А. С. Пушкин, поражающий лицеистов познаниями в современной русской литературе, сравнит позднее самого Карамзина с Колумбом?) Чтение, заключает Н. М. Карамзин, было весьма важно для «образования в нем нравственного чувства» [13, с. 591].

С отрочества юный
Карамзин
приобщался
к нравственной
философии

С 13 лет Н. М. Карамзин – в пансионе профессора Московского университета И. М. Шадена, имевшего широчайшее по тому времени немецкое гуманитарное образование, преподававшего многие предметы. Особое значение он придавал «нравственной философии», как

«науке образования нравственности и совести», «основанию всех узаконений и наблюдения оных». В основу воспитания он клал веру, а важнейшим воспитательным средством считал систематическое чтение, полагая существенным ознакомление с полезными мыслями выдающихся людей; и это выражалось в развитии способности запоминать «крылатые слова» («geflugelte wörter»). И. М. Шаден и его даровитый и старательный ученик полюбили друг друга, а доброжелательная атмосфера маленького пансиона, где учили без принуждения и умели заинтересовывать, оставалась для Н. М. Карамзина идеальной для восприятия нового.

Юный Карамзин серьезно изучал зарубежную философию и историю

Юный Карамзин, посещая занятия в университете, совершенствовался в иностранных языках и начал серьезно знакомиться с зарубежной философской и исторической литературой (тогда под философией подразумевали и то, что ныне относят к психологии, культурологии, политологии, социологии).

У истоков формирования российской интеллигенции

После недолгой службы в Петербурге, в гвардии, и краткого пребывания в Симбирске Карамзин снова оказался в Москве, и именно в среде тех, кто стоял у истоков формирования в России интеллигенции и первичных нравственных представлений об интеллигентности. Он сближается с окружением Н. И. Новикова, и как раз тогда, когда издается второе, расширенное издание «Древней Российской вивлиофики». Уроком становится пример просветительской деятельности Новикова, показывающий, что высокое место в обществе, влияние на умы определяются не только должностным положением. Полезным оказалось и то, что, редактируя журнал для детского чтения, будущий историограф осваивал приемы создания текста, запоминающегося и доступного юным. В Н. М. Карамзине уже тогда видели глубоко и самостоятельно мыслящего человека, одаренного и разностороннего литератора-поэта, прозаика, переводчика и умелого практика журналистской работы.

За рубежом Н. М. Карамзин наблюдал общественную жизнь и общался с известными философами, учеными и литераторами

В мае 1789 – сентябре 1790 г. Н. М. Карамзин знакомился с зарубежьем: побывал в германских государствах, Швейцарии, Франции, Англии, задерживаясь преимущественно в больших городах. Он посещал примечательные места, театры, научные заседания, музеи, наблюдал общественную жизнь (в Париже бывал и в Национальном собрании, и в революционных клубах), знакомился с местными изданиями и приобретал их. Беседовал с известными людьми – прежде всего с философами, учеными и литераторами. Первым, кого за рубежом, в Кенигсберге, посетил русский путешествен-

«Письма русского путешественника»

ник, был великий философ Иммануил Кант: главная тема разговора – «нравственный закон», который И. Кант определял как совесть, чувство добра и зла.

Встречался он и с находившимися за рубежом соотечественниками. В Париже сблизился с чиновником посольства Петром Петровичем Дубровским, собравшим уже тогда немалую коллекцию рукописей... Это было едва ли не первое прикосновение к такому большому собранию старинных манускриптов: в начале XIX в. коллекция П. П. Дубровского с рукописями на разных языках стала основой образования в Публичной библиотеке в Петербурге «Депо манускриптов», преобразованного позднее в знаменитый Отдел рукописей, существующий и поныне.

Зарубежные наблюдения и вызванные ими размышления запечатлены в «Письмах русского путешественника», печатавшихся первоначально в номерах основанного им «Московского журнала» (популярнейшего в 1791–1792 гг. в России издания, первым оказавшегося привлекательным и для дамского чтения).

В «Письмах» были отражены представления россиян о Западной Европе

«Письма» должны были показать и представления россиянина о Западной Европе, и то, каким кажется образованный россиянин западноевропейцу. В этом художественно-публицистическом сочинении философской направленности Россия рассматривается как страна европейской культуры. «Письма русского путешественника» стали знаменательным явлением, многое определившим в дальнейшем развитии и российской литературы, и общественного сознания в России. Книга, переведенная на иностранные языки, оказала влияние и на восприятие России и ее культуры за рубежом.

Избирать все лучшее есть действие ума просвещенного

Н. М. Карамзин уже тогда был убежден в том, что «избирать все лучшее есть действие ума просвещенного», «предсказания будущего» он ищет «в свитках истории». В «Письмах» прослеживается особый интерес к истории: обнаруживается несомненное знакомство с фактами истории и трудами историков (в том числе и с недавно опубликованными в разных странах). Особенно знаменательно рассуждение (в связи с книгой французского историка о прошлом России) о том, каким должно быть сочинение об истории России, интересное и соотечественникам, и «чужестранцам», и на труды каких знаменитых историков и древности (названо имя древнеримского историка-моралиста Тацита), и недавнего времени должен равняться автор такого сочинения: «...Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей

Черты русского народа следует описывать живо – нужен только ум, вкус, талант

«Всяк, кто увидит в Российских преданиях разные дела и Героев...»

Всемирно-историческая значимость истории народа русского

Российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикой (соответственно современным понятиям – научно-исследовательской методикой. – С. Ш.), с благородным красноречием...

Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить... Все черты, которые означают свойства народа Русского, характер древних наших Героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные, следует описывать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий – Владимир; свой Людовик XI – царь Иоанн; свой Кромвель – Годунов и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже Истории человечества» [14, с. 252–253]. Большинство первых читателей написанного Карамзиным полагали тогда, что «занимательное» для них в истории России начинается лишь со времени Петра Первого.

В этом «письме» из Парижа, датированном 1790 годом, Н. М. Карамзин, по существу, прямо вторит вступлению к книге величайшего и разностороннейшего по своим научным интересам и творческому потенциалу русского мыслителя XVIII века М. В. Ломоносова. В вышедшей в 1766 г. книге «Древняя российская история» (где изложение доведено до 1054 г. – времени кончины Ярослава Мудрого) М. В. Ломоносов писал: «Всяк, кто увидит в Российских преданиях разные дела и Героев, Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» [15, с. 170].

Написанное и М. В. Ломоносовым, и Н. М. Карамзиным – это декларация о всемирно-исторической значимости истории «народа русского», лиц и событий российской истории и заявление о желании найти силы для написания «хорошей Российской истории», не уступающей в научном и литературно-художественном отношении лучшим современным образцам. И занятый многообразной литературной деятельностью и как автор, и как редактор, Н. М. Карамзин не отступал от своего намерения, все более обогащаясь изучением источников российской истории и овладевая новейшей зарубежной методикой источниковедения и археографии (если употреблять принятую ныне терминологию).

Карамзин первым
известил мир о
«Слове о полку
Игореве»

В 1797 г. он первым известил мир (в издававшемся в Гамбурге франкоязычном журнале, с которым был связан его парижский знакомец Дубровский) о «Слове о полку Игореве», справедливо замечая при упоминании имени Бояна, что и до автора «Слова» «были на Руси великие поэты, чьи творения погребены в веках». В 1800 г. он писал другу – поэту И. И. Дмитриеву: «Я по уши влез в русскую историю» [16, с. 92]. А в 1801 г. к последним словам оды «на торжественное коронавание» Александра I Карамзин сделал знаменательное примечание, рассчитанное на внимание императора и читателей: «Автор занимается Российской историей».

О любви к отечеству
и народной гордости

В 1802–1803 гг. в издаваемом им журнале с показательным названием «Вестник Европы», ставшим родоначальником литературно-политических журналов в России, Н. М. Карамзин в своих художественных и публицистических сочинениях не раз обращался к прошлому России, к тому, что и как воспринимают из него современники. Это отражено и в заголовке статьи 1802 г. «О любви к отечеству и народной гордости» (где содержится призыв воздвигнуть памятник Минину и Пожарскому), и особенно в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут стать предметом художеств», – там указания на темы исторических картин, созданных выпускниками Академии художеств и предложения новых тем живописцам и скульпторам, ибо «не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма» [Там же]. После основания Академии художеств М. В. Ломоносов тоже рассуждал об исторических сюжетах произведений ее учащихся, и близость такого просветительски-патриотического подхода обоих к истории очевидна [Там же, с. 365–373].

Н. М. Карамзин –
реформатор
и «властитель умов»

С возрастом тяга к длительным размышлениям и усидчивым ученым занятиям усилилась. Именно в 1803 г. Н. М. Карамзин отмечает (в письме): «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов».

В первые годы XIX столетия Н. М. Карамзин воспринимался в России как властитель умов, и не случайность – совпадение во времени реформ управления и системы просвещения с поручением государя Н. М. Карамзину составить многотомный труд по российской истории, доступный всему образованному обществу. А. С. Пушкину, для которого всегда особо значимым был культ лица, основанного Александром I (напомним восклицание «он основал лицей» в стихах 1825 года «19 октября»), неизменным оставалось и представление о «прекрасном» начале царствования

Философские
и политологические
воззрения
Н. М. Карамзина

Александра. Это слова из дневниковой записи апреля 1834 г. о разговоре его с М. М. Сперанским, и из стихотворения 1822 г. «Послание цензору»: «Дней Александровых прекрасное начало» [3].

К тому времени Н. М. Карамзин обрел уже устойчивые философские и политологические представления и немалый опыт размышлений, сопоставляя прошлое и настоящее России и других стран. Выросший на идеях века Просвещения, Карамзин был приверженцем политики просвещенного абсолютизма для России, но убежденно опирался при этом на понятия о «нравственном законе» и роли просвещения как основах исторического прогресса. Личным идеалом для него, по-видимому, по-прежнему оставался Томас Мор – гуманистически образованный мыслитель и совестливый государственный деятель, противник и деспотизма, и народных движений, автор «Утопии» и обличительного сочинения о коварстве и жестокости английского короля Ричарда III (именно такое его восприятие вслед за Т. Мором выражено в драме Шекспира), не сломленный королем-деспотом Генрихом VIII. Показательно и то, что по переезде в Петербург, когда историограф был в приближении у особ царской фамилии, самым привлекательным собеседником в среде сановников ему казался И. Каподистриа, отличавшийся либерализмом взглядов и независимостью суждений, ставший затем первым президентом Греции.

Н. М. Карамзин –
историограф
«Отечества нашего»

31 октября 1803 г. императорским указом Н. М. Карамзин был назначен историографом «для сочинения полной истории Отечества нашего» с древнейших времен, получив право доступа к материалам всех хранилищ, необходимым для такой работы. (В XIX в. под историографией понимали само описание прошлого, исторических «деяний», и Н. М. Карамзин называл себя потом «дееписателем»; в наше время термином историография обозначают отрасль исторической науки, изучающей историю в целом, а также совокупность предшествовавших исследований определенной исторической тематики.)

В ту пору сочинение историка, доступное по изложению широкому читателю, не казалось отделенным от остальной литературы. В Древней Греции одной из девяти муз была Клио – муза искусства повествования о прошлом, покровительница истории. И в наши дни к памятникам литературы относят сочинения и Фукидида, и Плутарха, средневековые хроники и «Историю о великом князе московском» А. М. Курбского. Собственно исторические труды создавали и самые знаменитые

писатели XVIII века француз Вольтер, немец Шиллер (со взглядами которого на ход истории у Н. М. Карамзина немало сближений). Более того, тогда признавали заметное воздействие художественной литературы на образ мысли, видение прошлого учеными-историками. А. С. Пушкин писал в 1830 г. о Вальтере Скотте – любимом писателе Карамзина-историографа: «Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, не подозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете» [2].

Психологизм как характер литературного стиля Н. М. Карамзина

То, что виднейший писатель, автор самого популярного тогда произведения русской прозы – повести «Бедная Лиза» (принесшей ему еще в начале 1790-х годов все-российскую славу) становится историком, представлялось тогда естественным. И, конечно, Н. М. Карамзин предвидел то, что от него ожидают сочинения по истории, написанного с присущим ему литературным мастерством, не уступающего прежним произведениям ни в занимательности, ни в изобразительности, ни в чувствительности и психологизме, ни в побуждении к дальнейшим размышлениям. Историограф и сам рассматривал многотомное сочинение, к созданию которого он приступал, и как художественно-литературное произведение, а «психологизм для Карамзина (как справедливо отмечал Н. Л. Рубинштейн) не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля» [17, с. 168].

Н. М. Карамзин ощущал себя писателем – художником слова, влияющим на публику, им образуемую

Н. М. Карамзин неизменно продолжал ощущать себя и писателем-художником слова, влияющим – по определению А. С. Пушкина – на «публику, им образуемую». Это монументальное новое сочинение призвано было утвердить и развиваемые им представления о путях развития современной русской литературы и современного языка – и литературного, и разговорного. И потому не только предшествовавшую литературную деятельность Н. М. Карамзина, но всю предшествовавшую биографию и жизненные наблюдения можно рассматривать как подготовку к созданию «Истории государства Российского».

Н. М. Карамзин как зачинатель российской автобиографической литературы

Зачинатель автобиографичности в русской художественной литературе, Н. М. Карамзин был автобиографичен, по существу, и при написании исторических сочинений: он исходил от восприятия им самим (в разное время, в разных ситуациях) сведений о прошлом и

вообще просвещающей его информации и из наблюдений за восприятием подобной информации другими, готовя основной текст «Истории» – отбирая и истолковывая исторические явления при изложении и придерживаясь определенной стилистики этого изложения, явственно отличающейся от стилистики и лексикона текста «Примечаний», рассчитанного на узкий круг подготовленных читателей. Учитывалось и то наблюдение (сформулированное позднее П. А. Вяземским, и возможно, не без воздействия Н. М. Карамзина), что «ум наш природы изустной, а не письменной» и «в споре гостиных речь идет о мнениях» [18, с. 329; 19, с. 299; 20].

Н. М. Карамзин как представитель Просвещения

Для Н. М. Карамзина, как и для его старшего друга, поэта и государственного деятеля И. И. Дмитриева и лиц их ближайшего окружения, традиционными представлялись и долг преданного служения отечеству, и убеждение в воспитательской и просветительской роли литературы. Историограф так определял свои намерения в письме к императрице Елизавете Алексеевне (жене Александра I), с которой у него сложились доверительные отношения: «Я писал с любовью к отечеству, ко благу людей в гражданском обществе и к святым уставам нравственности» [21]. Убежденный в том, что «каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю» (как утверждает в «Предисловии»), Н. М. Карамзин впитал в себя основные элементы отечественных традиционных представлений, восходящих к нравственно-религиозным, унаследованным еще от допетровского времени. Это во многом способствовало тому, что его «История» оставалась в дореволюционной России доступна людям разных сословий и стала распространенным семейным чтением, привлекательным и для детей школьного возраста.

В то же время «История» Н. М. Карамзина – сплав таких представлений с достижениями западноевропейского «века Просвещения». А образованная часть русского общества тогда воспитана была в пансионах иностранцев, дома иностранцами-гувернерами и боннами (вспомним о книгах, читавшихся Евгением Онегиным и Татьяной Лариной, ровесниками первых молодых читателей томов «Истории» Н. М. Карамзина).

Близкий ему Александр Тургенев охарактеризовал в своем дневнике Н. М. Карамзина как «единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, познанием, коему можно уподобить только одну любовь его» [22, с. 122].

Глубинное
понимание значения
знания о прошлом

Свое понимание значения знания о прошлом и тяги к такому познанию историограф выразил в «Предисловии» к «Истории государства Российского». Н. М. Карамзин, можно полагать, придавал особое значение «Предисловию», о котором А. С. Пушкин уже в 1830 г. писал как о «столь много критикованном и столь же мало понятом» [2]. Между тем «Предисловию» уделялось явно недостаточно внимания в специальных историографических трудах, особенно изданных после 1917 г., – и не только компилятора и конъюнктурщика И. К. Додонова, но даже автора самой выдающейся книги советских лет по русской историографии Н. Л. Рубинштейна.

«Предисловие», написанное тогда, когда Карамзин готов был передать в типографию первые восемь томов «Истории государства Российского» (оно датировано 7 декабря 1815 г.), отражает не только намерения историографа, приступившего к созданию такого фундаментального труда, но и результат его двенадцатилетних размышлений в период этой работы, относящихся к проблематике тех сфер исторического знания, которые ныне определяем как «источниковедение» и «историография». По существу, это – программное сочинение, можно сказать, даже методологический манифест историографа, причем обращенный одновременно и к общающимся к познанию истории, и к тем, кто уже занят был размышлениями о ходе истории и путях его изучения. Конечно, в «Предисловии» явственно прослеживается «политико-назидательная тенденция» (как ее определил Н. Л. Рубинштейн [17, с. 171]), характерная и для всех томов «Истории», но несправедливо было бы преимущественно к ней сводить основное содержание текста, предваряющего многотомный труд.

Нравственно-
воспитательное
и просветительское
назначение истории
в понимании
Н. М. Карамзина

Главный смысл познания прошлого Н. М. Карамзин видел в изучении уроков для настоящего и будущего, в нравственно-воспитательном и просветительском назначении истории как для обладающих высокой властью и возможностью руководствоваться этим в политике, так и для общества в целом.

Именно такое убеждение глубокомысленно выражено в самых первых фразах «Предисловия» к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи

морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества...» [1, с. 13].

Обращение к прошлому неизменно одухотворяет и расширяет пределы нашего бытия

Показательно для натуры и мироощущения Н. М. Карамзина то, что сразу же вслед за этим текстом восклицание о том, как одухотворяет обращение к прошлому, какие творческие радости это приносит: «Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому... История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слова в уста, из тления вновь созидавая Царства: и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность» [Там же, с. 13–14].

Различия трёх родов истории

В «Предисловии» указывается на различия трех «родов истории», обусловленные особенностями источниковой базы в зависимости от времени, отделяющего годы создания исторического сочинения от описываемых событий: автор «современной истории» – «очевидный свидетель» характеризуемых «происшествий»; и приводится пример древнегреческого историка Фукидида; во второй, как у древнеримского историка Тацита, все «основывается на свежих словесных преданиях и близкое к описываемому действию время», а третья – «извлекается только из памятников» «как наша до самого XVIII века». При этом устные рассказы о далеком прошлом Карамзин не относит к «памятникам», заслуживающим большого доверия: «Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слыхивали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете, многое, чего нет в книгах» [Там же, с. 17–18].

Историк должен стремиться к точности и достоверности

Н. М. Карамзин указывал, что третий «род» – «есть самый ограниченный для таланта», ибо «критика заградит уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранится от веков...», поскольку, «как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было,

а не что быть МОГЛО» [1, с. 18]. То есть, по существу, утверждается, что историк должен стремиться к точности и достоверности, как и ученый, характеризующий явления природы.

В библиотеках аристократов пораженный Анри Стендаль обнаруживал Вольтера и Бюффона

Думается, что историограф опирался и на опыт, и на предпринимавшиеся в России «академические» описания отдельных местностей (для чего разрабатывались специальные «анкеты»), и на знакомство читателей с многотомной «Естественной историей» («*Histoire naturelle genèrale et particuliere*») француза Ж.-Л. Бюффона, очень популярной в России. Писатель Анри Стендаль, пораженный в дни пребывания войск Наполеона в Москве богатством библиотек, покинутых аристократами дворцовых палат, восклицал: «Везде Вольтер и Бюффон!». Книжки Ж.-Л. Бюффона переводили на русский язык, а в 1814 г. вышло в Москве в пяти частях и издание «Бюффон для Юношества, или Сокращенная история трех царств природы, соч. Петра Бланшарда». А. С. Пушкин признавал Ж.-Л. Бюффона «великим живописцем природы», полагая, что «слог его, цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы» [3, с. 18]. Сочинение Ж.-Л. Бюффона было привлекательно и тем, что автор старался противопоставить строго методическому ходу описания природы и наружного вида живых существ их нравы и образ жизни и тем самым возбудить интерес образованных людей к животному миру. Ж.-Л. Бюффон признавался и замечательным писателем, был очень знаменит, и король возвел его в конце жизни в графское достоинство (быть может, потому-то и Н. М. Карамзина по выходе в свет его «Истории» стали называть «граф историей»?)

Н. М. Карамзин призывал критику быть взыскательнее и не позволять историку обманывать читателя

Н. М. Карамзин призывал *критику* быть «взыскательнее и строже» и не позволять *историку* «обманывать добросовестных читателей», пытаясь «мыслить и говорить» за тех, кого уже давно нет, и сам же задает вопрос: «Что же остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности?» – и отвечает: «Порядок, ясность, сила, живость», т.е. повторяет то, что стало ему очевидно еще в начале 1790-х годов.

Подчеркивая различие «Дееписания от Поэмы», историограф формулировал «неизменные правила» источниковедческого подхода к историческим построению и изображению. Описывать прошлое следует только исходя из данных, запечатлевшихся в дошедших до нас памятниках. Должно стараться выявить информационный потенциал исторического источника и при этом избегать преувеличения значимости такой инфор-

мации, в то же время не упуская из виду то, что кажется менее значимым. («Он [историк. – С. III.] творит из данного вещества, не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого» [1, с. 18]). Историк должен учитывать и «примесь лжи» в исторических источниках, описывая отраженное в них время («Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческого, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях»). И в духе утверждающейся в век Просвещения веры в разум оптимистически заключает: «Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом» [Там же, с. 18–19].

Н. М. Карамзин
как критик
исторической мысли

Н. М. Карамзин счел необходимым отметить в «Предисловии» значимость сделанных им «примечаний и выписок», которые служат «иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением» и призваны убедить в достаточной «достоверности» изложения [Там же, с. 20]. «Предисловие» написано в несколько высокопарном стиле, характерном для риториков той эпохи, но это соответствовало понятиям об эстетических нормах того времени: «Прекрасное должно быть величаво», – формулировал А. С. Пушкин [4].

Вслед за «Предисловием» помещены замечания «Об источниках российской истории до XVII века». Написаны они в иной литературной манере, в той же традиционно-научной, что и «Примечания», и завершают этот текст словами: «Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики» [Там же, с. 28]. В «Предисловии» обнаруживается широкий подход к выявлению «источников» познания прошлого: «Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово, малейшая черта древности дает повод к размышлению» [Там же, с. 21].

Н. М. Карамзин показал себя и «критиком» исторической мысли, знатоком зарубежных и отечественных исторических трудов, то есть историографом в современном толковании этого термина, и по «Предисловию» это прослеживается.

Научная методика –
критика

По убеждению Н. М. Карамзина, исторической науке в России следует развиваться соответственно развитию мировой науки, используя современную научную методику – критику. И историограф нарочито в «Предисло-

Обоснование
периодизации
отечественной
истории

вии» называет имена и признанных античных классиков исторической литературы, и ученых века Просвещения. И высказывает суждения о приемах описания ими прошлого. Уверенный в важности приобщения к многовековому историографическому наследию, к памятникам исторической и философской мысли и литературного мастерства, Н. М. Карамзин полагал обязательным придерживаться своей родной культуры и восклицал: «Не подражай Тациту! не пиши, как писал бы он на твоём месте!» – есть правило Гения» [1, с. 19].

В «Предисловии» историограф кратко обосновал (оспаривая мнение Шлецера – авторитетнейшего на рубеже XVIII и XIX веков историка в России и Западной Европе) периодизацию отечественной истории на «древнейшую», «среднюю» и «новую» (начиная с Петра Великого) [Там же, с. 21]. Все это свидетельствует о том, что Карамзин рассматривал свой труд как стимул к дальнейшим изысканиям историков и развитию специальных отраслей научного исторического знания.

Первоначально он, видимо, полагал возможным в стиле широкой образованности века Просвещения, выражавшейся и в литературе, и в устной речи, образно показать прошлое отечества, используя преимущественно опубликованное об этом до него. Но втянувшись и все более углубляясь в такую работу, ощутил значимость самостоятельных исследовательских (и зачастую даже собственно источниковедческих) изысканий: «удовольствие для сердца и разума» в «дееписании», «наслаждаясь, – писал он в «Предисловии», – созерцанием многообразных случаев и характеров» [Там же, с. 14]. Творчество открывателя и исследователя памятников прошлого, размышляющего над особенностями развития человеческого общества и проявлениями характерных черт исторических лиц, казалось все более результативным и становилось душевной потребностью. И, что свойственно было натуре Н. М. Карамзина, эстетическое совмещалось для него с этическим, было неотделимо от этического.

Ноты русской
истории
свидетельствуют об
обширной учености
Карамзина

А. С. Пушкин в «Автобиографических записках», упоминая о «Примечаниях» («нотах») «Истории государства Российского», образно формулировал: «НОТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению» (курсив мой. – С. III.). И прямо перед тем слова благодарности «человеку, уединивше-

муся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам» [1, с. 20]. То же повторено Пушкиным в печати, в статье 1830 г. об «Истории русского народа» Н. А. Полевого: «...Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее великое создание» [3].

Историограф Н. М. Карамзин превращался и в исследователя, методы работы которого становились все более строгими

Официально став историографом, Н. М. Карамзин сосредоточился на занятиях историей. Он понял, что первоначальный план работы расширяется, объем будущего сочинения возрастает и, соответственно, для этого потребуется и больше времени. «Историк-философ», в широком понимании и авторов, и читателей века Просвещения, превращался в исследователя, методика которого становилась все более строгой и совершенной. Это было очевидно при сравнении не только с сочинениями историков XVIII века, но и младших современников Н. М. Карамзина.

По мнению И. И. Срезневского, «Карамзин... был тем же, что Петр Великий...»

И потому-то в 1870-е годы, когда принято было объявлять «Историю» Н. М. Карамзина устарелой, авторитетнейший филолог и славист широкого гуманитарного профиля, эрудит классического образца, к труду которого «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» неизменно обращаемся и поныне, академик И. И. Срезневский в лекциях по палеографии в Петербургском университете счел необходимым особо подчеркнуть, что «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: ибо должно было не забыть ничего». И далее: «Карамзин – историк, это значит Карамзин – палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т. д. и т. п. во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине – значит не понимать Карамзина...» [23, с. 10–11].

Оформление «Истории государства Российского» содействовало глубокому прочтению этого исключительного труда

Опытный литератор, учитывающий возможности, привычки, вкусы читающей публики, для удобства обращения к книгам «Истории государства Российского» разделил каждую из них на две части. Основной текст набран крупным шрифтом – чтение для всех – belles lettres – изящная словесность, беллетристика, то есть художественная литература (в узком смысле – художественная проза, отличающаяся от поэзии и драматургии). И вслед за тем «Примечания» ко всему тому, компактные, набранные мелким шрифтом – научная

литература, предназначенная для ученых и особо любознательных. Там рассуждения историографического характера, цитаты из исторических источников, иногда даже первые публикации некоторых источников и указания на листы цитируемых архивных документов и страницы печатных изданий. Примечания убеждают в том, что Н. М. Карамзин был основательно знаком со всей вышедшей к тому времени в России и за рубежом литературой по российской истории, использовал в компаративистском плане то, что относилось ко всеобщей истории.

Обращение историографов к трудам Н. М. Карамзина

По сравнению со своими предшественниками Н. М. Карамзин во многом обогатил источниковую базу изучения истории России до воцарения Романовых – это убедительно показано авторитетнейшим историографом русского источниковедения В. С. Иконниковым, отметившим и уместность, и точность примечаний. Мнение академика В. С. Иконникова поддержано академиком С. Ф. Платоновым, поделившимся в 1926 г. своими наблюдениями: «Тот, кто имел в руках рукописи, проштудированные Карамзиным, может удостоверить, что из них нашим историком взято все важное и любопытное с необыкновенной чуткостью и вниманием. После Карамзина из памятника уже нечего извлечь: такова изощренная наблюдательность этого исследователя» [24, с. 267].

В двенадцати книгах «Истории» Карамзина 6538 примечаний! «История государства Российского» не раз издавалась и без примечаний (и до 1917 г., и с 1980-х гг.).

Научные основы «Истории государства Российского»

Характеризуя научную основательность, методику и построение «Истории государства Российского», Н. М. Карамзин утверждал: «Обращаюсь к труду своему. Не дозволяя никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках, искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей...» [1, с. 20].

Н. М. Карамзин был признанным реформатором русского литературного языка

Н. М. Карамзин был признанным реформатором русского литературного языка, приблизив его в сочинениях 1790-х – начала 1800-х годов к разговорной речи. Той же линии он придерживался, создавая «Историю государства Российского», и для рассуждения этической и политологической направленности избрал форму апофега, принятую в ту пору в беседах и переписке европейского образованного общества, в выступлениях ораторов и публицистов.

Согласно видению А. С. Пушкина, нравственные размышления Н. М. Карамзина дают его повествованию неизъяснимую прелесть древней летописи

По замечанию А. С. Пушкина: «Нравственные его размышления, своею простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял как краски, но не полагал в них никакой существенной важности» [2]. А. С. Пушкин верно уловил, что это сознательно избранный историографом художественный прием, но едва ли прав, не усматривая в том «общественной ценности». Н. М. Карамзин еще на раннем этапе развития той отрасли научных знаний, которую теперь называют летописеведением, ощутил и учительскую, и политическую направленность летописных текстов. Ведь представление о том, что летописец

*Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева <...>*

отражает взгляд молодого Григория, наблюдающего «спокойный вид» старца Пимена [4], а не самого летописца.

Перипетии духовного борения в отношении к пониманию значения истории

Более того, в «Предисловии», по существу, обращается внимание читателя на то, что не должно довольствоваться лишь впечатлением об образности исторических явлений, а стоит задумываться и о более глубоком. И это выражено как раз в той цитате из «Предисловия», которую приводит А. С. Пушкин в статье об «Истории» Н. А. Полевого: «...сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров» [1, с. 19]. Н. М. Карамзин не зря почти сразу же вслед за этими словами формулирует упрек автору «Истории Англии», знаменитому английскому философу-просветителю, «благоразумному Юму», который «иногда весьма плодотворный в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях» [Там же].

Показательно, что в ноябре 1811 г., когда историограф познакомил с фрагментами «Истории» не только близких ему москвичей, но и императора и его семью, Н. М. Карамзин составил для очень расположенной к нему и вызывавшей его большую симпатию великой княгини Екатерины Павловны собственноручный альбом избранных мест из сочинений разных авторов – светских и церковных [24, с. 888], которых в кратких словарях определяют как писатели, философы, ораторы, богословы, а в то время объединяли в сознании как «писатель-философ», каковым считал себя и Карамзин, называясь «историк-философ».

Апофегма [гр. *aporthegma* – говорить напрямую] – краткое и меткое наставительное изречение

Потому-то он полагал важным введение в текст «исторического» изложения апофегм – нравоучительных изречений афористического стиля. Это и наблюдения о шкале ценностей «культуры» и памяти («Слово принадлежит веку, а мысли векам»). Но чаще для апофегм показателен нравственный или морально-политический аспект («Великодушные действуют только на великодушных»; «Злодеи не знают благодарности»; «Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судьей»; «Где нет защиты от правительства, там нет и повиновения»; «Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности»; «Уставы отцов бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа»; «Самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления»; «Время государей тихих редко бывает спокойным, ибо мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и мятежников внутренних» и т. д. и т. п.). Апофегмы «Истории» вошли в языковой обиход как и крылатые слова других сочинений Карамзина: «Ничто не ново под луною»; «Смеяться, право, не грешно / Над всем, что кажется смешно», эпитафия на памятнике двухлетнего ребенка (1791): «Покойся, милый прах, до радостного утра» – ее можно увидеть на плитах многих старых кладбищ [12].

Общедоступность истории как цель творчества
Н. М. Карамзина

Морализирование было основой церковных проповедей, к толкованию притч привыкли даже малограмотные. А Н. М. Карамзин с годами все в большей мере стремился расширить аудиторию, самостоятельно воспринимающую напечатанное слово.

Цель Н. М. Карамзина (близкая к намерениям Н. И. Новикова и других русских просветителей второй половины XVIII века) была неизменной. А. В. Луначарский отмечал: «С Карамзина... начал выработываться тип дворянина-интеллигента, пытающегося всеми мерами расширить круг своих читателей и так или иначе разбудить спящие еще слои народа за пределами узкодворянских столичных кругов» [Там же, с. 318]. «История» Н. М. Карамзина адресовалась более широкому слою читателей, чем так называемое «хорошее общество» (то есть, прежде всего, дворянство обеих столиц, богатые помещики и видные чиновники) или круг ученых знатоков. «История» предназначалась и для тех, кого за рубежом относили к «третьему сословию», а основной текст – и для юношества.

Н. М. Карамзин – «русский дворянин» по самоопределению и по самоощущению, готовил себя к созданию

Прагматическая
история
Н. М. Карамзина

сочинения по отечественной истории, предназначенного и для ознакомления, и для воспитания современных ему россиян.

Исторический труд Н. М. Карамзина находится в русле прагматической истории (от греческого *pragma*, переводимого обычно как «действие», «дело»), когда не ограничиваются только последовательным описанием исторических явлений, но дают объяснение во взаимосвязи с другими явлениями – в «Предисловии» к своей «Истории» Н. М. Карамзин подчеркивает это, даже выделяя особым шрифтом: «Читатель заметит, что описываю деяния *не врозь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний... должен всему указать свое место» [1, с. 20]. И потому представляется не вполне уместным заголовок замечательно талантливой книги Н. Я. Эйдельмана об историке Н. М. Карамзине в контексте эпохи – «Последний летописец». Это слова пушкинские, но Пушкин в своем запоминающемся определении: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец» [2] подчеркивает, исходя из определений самого Н. М. Карамзина, совмещение в историографе черт и того и другого, усматривая в этом, очевидно, и одно из отличий Н. М. Карамзина от предшествовавших ему авторов многотомных «Российских историй».

«В Истории ищем
действий и
характеров»

Н. М. Карамзин убедился в том, что прежде всего «в Истории» «ищем действий и характеров», и понимал, что в «поучающей» истории наибольшее впечатление производят запоминающиеся события (и их взаимосвязи) и личности (их характер и поведение), то есть то, что относится к сфере государственно-политической истории, и сюжетам ее уделено наибольшее внимание в томах «Истории государства Российского». Учитывал он, можно полагать, и то, что «исторически» образовывались его читатели на житиях святых и популярнейших в среде, из которой вышли будущие декабристы, биографиях Плутарха, а биография Наполеона была едва ли не самым впечатляющим явлением в мировой истории начала XIX столетия.

«Самодержавие –
коренное начало
русского
государственного
порядка»

Это вовсе не означает, однако, что Н. М. Карамзин к изображению государственно-политической истории и сводил задачу изучения прошлого. Но преимущественное внимание к таким событиям в книгах «Истории» Н. М. Карамзина способствовало созданию впечатления, что если «самодержавие – коренное начало русского

государственного *современного* порядка», то «следовательно, – полагал В. О. Ключевский, – его развитие – основной факт русской государственной жизни, самая сильная тенденция всех ее условий» [25, с. 138]. И даже С. Ф. Платонов, так старавшийся воспитать уважение к содеянному Карамзиным для развития русской исторической науки, пожалуй, все-таки слишком однозначен, утверждая, будто «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс – создание национального государственного могущества», и особенно отмечая «односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшую задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями» [26, с. 46]. В «Истории государства Российского» укрепление государственного могущества действительно «главнейшее» в отечественной истории и политической истории уделено более всего места, но представление о значимых явлениях в историческом процессе у Карамзина было намного шире. И степень внимания к сферам истории определялась наработанными тогда в европейской исторической науке традициями и – главное – состоянием источниковой базы и имевшейся уже историографией.

Историограф изображал не только бедствия и славу войны, но и «все, что входит в состав гражданского бытия людей»

Историограф разъяснял это сам в «Предисловии»: «...изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками...» [1, с. 20]. Но в начале XIX в. в науке было очень мало данных о жизненном обиходе далекого прошлого: в России не сформировались еще такие науки, как археология, этнография, история древнерусской литературы, фольклористика, актовое источниковедение, история древнерусского искусства. И приходится удивляться, даже восхищаться тем, как сумел историограф в своей «Истории» собрать столько материала о времени, предшествовавшем призванию Рюрика, и о быте последующих веков. Недаром именно знакомство с первым томом «Истории» побудило И. Е. Забелина, будущего классика нашей отечественной археологии и истории быта, научного руководителя Исторического музея в Москве, заняться (как он сам отмечал) именно такой проблематикой в своей научной деятельности [7, с. 294].

История России как аспект всемирной истории

Карамзин осознал и то, что отечественная история наша изначально была историей многих народов (а ранее и разнородных племен), скрепленных постепенно

единовластием российских государей. Этим обусловлено, можно полагать, наименование его многотомного труда: не «Российская история», как у В. Н. Татищева (автора томов «Истории Российской с самых древнейших времен») и М. М. Щербатова (автора «Истории Российской от древнейших времен»), а «История государства Российского».

Российская история
«имеет право на
внимание»

Н. М. Карамзин рассматривает российскую историю в контексте всемирной истории, сопоставляет явления, события и деятелей российской и зарубежной истории. И не раз подчеркивает естественность и значимость такого подхода в «Предисловии» – и в пространном (с упоминанием имен) рассуждении общего характера: «...смело можем сказать, что некоторые случаи, картины характеры нашей Истории любопытны не менее древних» [1]; «Или вся Новая история должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание» [Там же], и как бы по ходу изложения: «Подобно Америке Россия имеет своих Диких: подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни»; «...толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты как у нас за честь Мономахова или Олегова Дому»; о том, что древнеримские авторы «иногда целые книги наполняют известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов» [Там же, с. 16]. И старается внушить, что отечественная история не менее занимательна для читателей (и самих россиян, и иностранцев), чем описанная уже в сочинениях иностранных авторов история зарубежная, настойчиво следуя в этом направлении мысли М. В. Ломоносова.

Выдающиеся
историки
свидетельствуют об
их принадлежности
к культуре своего
народа

В «Предисловии» отмечено и то, что творения выдающихся историков явственно свидетельствуют о принадлежности их к культуре своего народа, в них проявляется мировосприятие его и не следует изображать беспристрастность, и тут историограф ссылается на почитаемого европейски образованными читателями автора, писавшего во второй половине XVIII в., Д. Юма: «Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы не излишне ЧУЖДАЛСЯ Англии, не излишне хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения!» И вслед за тем: «И Фукидида видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: МЫ, НАШЕ оживляет повествование – и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке, где любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви – нет и души» (выделено

автором. – С. III.) [1, с. 19]. Откровенно декларируя свою любовь к отечеству и объясняя, как важно ощущение это для пишущего о прошлом его, Н. М. Карамзин прокламирует и обязанность «добрых россиян» следовать «правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» [1].

Самодержавие
в концепции
Н. М. Карамзина

Н. М. Карамзин, в соответствии с распространенным в XVIII веке среди философов и политиков представлением, полагал, что в государстве, обширном по территории, естественнее всего система единовластного правления: в России ее обозначали как «самодержавие». Самодержавие, однако, по его убеждению, должно опираться на закон, иначе оно превращается в «самовластие», деспотизм. Главное в «истинном самодержавии» – соблюдение самодержцем проверенных временем, опытом истории нравственных правил, забота о благе подданных. Потому-то самодержавие противопоставляется самовластию – и единовластца, и олигархов, и народа. Истинный самодержец должен обладать «добродетелями» – «человеческими и государственными».

Самодержавие как
надклассовая,
общественная сила

Самодержавие в концепции Н. М. Карамзина – надклассовая, общесловесная сила, обеспечивающая нормальную деятельность государственного организма и определяющая постепенное прогрессивное развитие общества. Государство призвано оберегать общество от насилия и злоупотребления властью имущих и от опасности и жестокости народного бунта. Оно обеспечивает внешнюю безопасность, особо важная его забота – сохранение единства державы. Важнейшее условие подобного развития – просвещение. Задача же просвещения – не только распространение знаний, способствование образованности, но и – обязательно – воспитание нравственности. И именно в этом существеннейшая польза литературы, ибо роль чтения особенно велика в «образовании ума и чувства». Идея государственного величия, несомненно, близка историографу, по Н. М. Карамзину, развитие государства определяется в наибольшей мере деятельностью государя, личностью государя. С. М. Соловьев подчеркивает важность заключения Карамзина, «что великие державы образуются не механическим слипанием частей как тела минеральные, но превосходным умом державным» [27, с. 139]. И потому Н. М. Карамзин возвеличивает Ивана III, о котором особо пишет и в «Предисловии»: «Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для Истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его

славы падают на колыбель Петра» [1, с. 15], а в период времени «между сими двумя Самодержцами» вторая половина правления «удивительного Иоанна IV» изображена как пример деспотического самовластия, пагубного и для подданных, и для самого властителя.

Развитие общества:
эволюционный путь

IX том «Истории государства Российского», посвященный второй половине «царствования Иоанна Грозного» (1560–1584), произвел впечатление, пожалуй, еще большее, чем выход восьми предыдущих томов. Непосредственный свидетель событий Великой французской революции, Н. М. Карамзин стал убежденным сторонником не революционного, а эволюционного пути развития общества и, соответственно, действий государей именно такой направленности. Н. М. Карамзин понимал значимость реформ, но полагал, что они должны быть продуманными, неторопливыми, не приносящими бедствия многим и особенно тем, на кого привык опираться государь и кто до того ощущал себя соучастником его действий, быть понятными обществу.

Урок истории – урок
жизни

Для Н. М. Карамзина урок истории, это и урок современной жизни. Политологические воззрения его не оставались неизменными – в какой-то степени это прослеживается и в период работы по написанию им «Истории» (особенно заметно это в «Записке о Древней и новой России», составленной для узкого круга лиц царской фамилии, и наиболее заметно в оценке свершенного Петром I и последствий этого). Однако с осторожностью следует характеризовать Н. М. Карамзина как автора многотомной истории России по «Записке о древней и новой России». У этих сочинений разные адресаты, разные задачи, разные формы воздействия. В многотомной «Истории» он выступает официальным историографом, формирующим и воспитывающим представление обо всем прошлом своего отечества у широкого круга читателей, в «Записке» – наставником правителей отечества, призывающим их извлечь урок из недавней истории своего отечества, и позволяет себе ту степень откровенности и жесткости характеристик, которые допустимы лишь с немногими.

Под влиянием
пережитого в период
войны 1812 г.
произошли
изменения в
исторических
представлениях
Н. М. Карамзина

Конечно, не могли не произойти изменения в общественных и собственно исторических представлениях Н. М. Карамзина под влиянием пережитого и передуманного в период Отечественной войны 1812 г. и близкого к тому времени, когда историограф размышлял, не взяться ли ему за описание именно этих событий.

Вызывавшая еще в XVIII в. возраставший интерес в литературе и общественно-исторической мысли идея

«древней» и «новой» России [28] возбужденно обсуждалась в 1810-е годы близкой к историографу молодежи, связывавшей с этим (в кружке «Арзамас») и изменения в литературном языке.

Труды
Н. М. Карамзина как
средство
формирования
исторического
сознания

Изменялось, совершенствовалось и литературное мастерство самого историографа в изображении событий прошлого и его действующих лиц. И, решившись в годы начинавшейся «аракчеевщины» предостеречь верховную власть от выражения недовольства просвещенными аристократами, и, конечно же, преследуя цель всестороннего освещения прошлого, не утаивая темных пятен его и осуждая бедствия, обрушивавшиеся на подданных из-за непродуманных, недалновидных и жестоких действий властей, Н. М. Карамзин решился особенно откровенно, ярко, запоминающе изобразить историю России времен опричнины Ивана Грозного.

Глубоко верующий
Н. М. Карамзин
усматривал
обязанность истории
быть учительницей
жизни

Он даже рискнул избрать именно такую тему для публичного выступления в Российской Академии наук до выхода в свет IX тома «Истории». Его не остановила и реакция некоторых из слушавших его, дошедшая до нас в передаче слов видного церковного деятеля Филарета (тогда ректора Петербургской духовной академии), с 1821 г. митрополита московского: «Читающий и чтение были привлекательны, но читаемое страшно. Мне думалось тогда, не довольно ли исполнила бы свою обязанность история, если бы хорошо осветила лучшую часть царствования Грозного, а другую более покрыла бы тенью, нежели многими мрачными, резкими чертами, которые тяжело видеть положенными на имя русского царя». Глубоко верующий Н. М. Карамзин, усматривавший обязанность истории быть учительницей жизни, воспитывающей человека на нравственных началах, полагал действия царя Ивана IV второй половины его правления отступлением от христианских заповедей, что особенно неповадно государю, поступки которого на виду у всех. Такой подход к негативным, по его понятиям, явлениям прошлого тоже входил, как мы убеждаемся, в его задачу формирования исторического сознания читателей. И IX том, несомненно, повлиял на историческое сознание декабристов и лиц, близких им по мировоззрению.

Отклики
декабристов на
«Историю»
Н. М. Карамзина

Это отражено в написанном декабристами – и в эмоциональных откликах первых читателей, и в мемуарах. Рылеев писал сразу по прочтении, в 1821 г.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». И под впечатлением от прочитанного сочинил первую из своих дум «Курбский». Декабристы просили пере-

дать им тома «Истории» в Петропавловскую крепость. Декабрист Н. И. Лорер воспроизвел в мемуарах анекдот 1821 года: «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углубились в царствование Иоанна Грозного», а декабрист-москвич Штейнгейль в мемуарах глубокомысленно отметил: «...явился феномен небывалый в России – девятый том «Истории государства Российского», смелыми, резкими чертами изображающий все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто именовавший тираном, какому подобных мало представляет история» [29, с. 117–127].

Восприятие «Истории государства Российского» как произведения художественной литературы усиливало воздействие этого сочинения на общественное сознание. Такой глубокий мыслитель, как П. Я. Чаадаев, определяя значение издания, в письме А. И. Тургеневу в 1838 г. подчеркивал интеллектуально-эстетическое в творчестве Карамзина: «Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной можно ее создать» [10, с. 410].

Талантливый молодой литературный критик Валериан Майков, слушавший лекции в зарубежных университетах, близкий к петрашевцам, писал в 1846 году, по прошествии трех десятилетий после передачи в типографию первых восьми томов «Истории государства Российского», об общественном настрое первых читателей ее (что отражало соответственно и восприятие этого передовой русской общественностью в канун революционных событий в Европе 1848 года): «Потребность отечественной истории – необходимое следствие пробуждения народного самосознания – получила силу и живость необыкновенную. Вопросы о значении России, о ее настоящем, прошлом и будущем, о том, чем она была, есть и должна быть, зашевелились в образованной части общества... В это время явилась «История» Карамзина... Кто беспристрастно изучал это творение, тому, конечно, известно, что оно написано с мыслью – показать, что история России ничем не хуже, а во многих отношениях и лучше историй других европейских народов... Можно себе представить, какой эффект должно было произвести такое сочинение в эпоху только что возникшего вопроса о прогрессивном движении России» [30, с. 36, 38].

И в середине XIX в. в России так укрепилось представление о взаимосвязи настоящего с историей, «обнаружилась, как полагал С. М. Соловьев, такая сильная потребность познать свое прошедшее, познать: кто мы

Отзывы
литературных
критиков на
творчество
Н. М. Карамзина

«Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков»

таковы», что он решился так начать публичные чтения 1852 г.: «Если к каждому человеку можно обратиться с вопросом: «Скажи нам, с кем ты знаком, и скажем тебе, кто ты таков», то к целому народу можно обратиться со следующими словами: «Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков» [27, с. 6].

«История государства Российского» навсегда останется великим памятником

Научная критика «Истории государства Российского» началась еще при жизни Н. М. Карамзина (изучению этого посвящены работы В. П. Козлова и других современных исследователей [31]), общеисторические представления его стали казаться устаревшими в среде и историков, и философов, и публицистов сравнительно скоро, однако В. Г. Белинский, чутко реагирующий на изменения в современном ему мироощущении, но в то же время с особой дальновидностью ощущавший ценное на все времена, глубокомысленно писал в 1845 г.: «“История государства Российского”» – творение великое, которого достоинства и важность никогда не уничтожатся, вытесненная исторической и философской критикой из рода творений, удовлетворяющих потребности современного общества, “История” Н. М. Карамзина навсегда останется великим памятником в истории русской литературы».

Н. М. Карамзин открыл русскому обществу интерес к истории отечества

В середине 1840-х годов, когда стали выходить тома пятого издания «Истории» Н. М. Карамзина (предпринятого И. Ф. Эйнерлингом), В. Г. Белинский откликнулся на каждую книгу, видимо, именно он инициировал Приложение к изданию «Ключа» П. М. Строева. В последней (самой пространной) из рецензий он отмечал в пушкинском духе и даже в его литературном стиле: «Главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России. Карамзин открыл целому обществу русскому... что история его отечества должна быть для него интересна, а знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!» [7, с. 236]. И А. И. Герцен в 1850 г., обращаясь в эмиграции к иностранному читателю, писал в книге «О развитии революционных идей в России»: «Великий труд Карамзина – памятник, воздвигнутый им для потомства, – это двенадцать томов русской истории... Его история весьма содействовала обращению умов к изучению отечества» [32, с. 191]. Следовательно, и в середине XIX века передовые мыслители, общественные воззрения и научная подготовка которых были иными, чем у аристократов времени Карамзина, признавали заслугой именно Карамзина внушение обществу уважительного внимания к отечественной истории.

Лев Николаевич Толстой писал об «Истории» с восхищением

Начинающий тогда писатель Лев Толстой, создавая в 1851–1852 гг. повесть «Детство», в воспоминаниях о детских годах вернулся к «Истории государства Российского» – в подготовительном варианте ее при описании книг классной комнаты мальчиков названо, наряду с «учебными книгами», и сочинение Н. М. Карамзина. А в двадцать пять лет ему захотелось перечитать «Историю» Н. М. Карамзина – остались дневниковые записи ноября–декабря 1853 г., передающие впечатление от прочитанного: «...слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей. Читал отрывками» и, завершив чтение, записал: «Окончил Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательные события» [33, с. 200–209].

В «Предисловии» Карамзин размышляет и о том, что «в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии!» [1, с. 20]. И, действительно, целое столетие именно страницы «Истории государства Российского» были главным «источником» возбуждения творчества исторической тематики для писателей, художников, композиторов, актеров, как самых выдающихся, так и множества тех, чьи произведения можно отнести к недолговечной массовой продукции.

Влияние «Истории» Н. М. Карамзина на русскую интеллигенцию

Особенно много писали о воздействии «Истории» Н. М. Карамзина – и основного текста и примечаний – на А. С. Пушкина, когда он создавал драму «Борис Годунов», где на восприятии написанного Н. М. Карамзиным основаны не только историческая фактология, но и политологические соображения; такое воздействие обнаруживается и в других поэтических, и особенно прозаических, сочинениях А. С. Пушкина. Из широкоизвестных произведений литературы и искусства влияние «Истории» Н. М. Карамзина особо заметно у М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого (и в прозе, и в драмах, и в стихотворениях), А. Н. Майкова, А. Н. Островского, Л. А. Мея (драмы которого «Царская невеста» и «Псковитянка» стали основой для опер Н. А. Римского-Корсакова), Ф. М. Достоевского, скульптора М. А. Антокольского, в творениях И. Е. Репина и других живописцев, изображавших и время Ивана Грозного, и иные события российской истории [34]. Появление подобных произведений художественной литературы и искусства способствовало тому, что и при концепционном отличии от «Истории» Н. М. Карамзина, и насыщенности вводимыми в науку новыми данными от обобщающего типа и иных трудов по российской истории, появившихся в

последующее время, «История государства Российского» оставалась едва ли не столетие доминантой в представлениях большинства наших соотечественников об их истории до начала правления Романовых.

Образность и нравственное начало «Истории» благотворно действуют на воображение

В дореволюционное время распространенным был обычай семейного чтения вслух для детей и взрослых. Тома «Истории» Н. М. Карамзина было принято читать вслух в семье Достоевских в детские годы будущего писателя. Став знаменитым, Достоевский и сам любил возвращаться к страницам «Истории государства Российского», особенно последних томов, и рекомендовал «Историю» Н. М. Карамзина для детского чтения и «народного чтения», и прежде всего о тирании Ивана Грозного, полагая, что образность и нравственное начало в «Истории» Карамзина благотворно «действуют на воображения» [7, с. 364–390].

«История государства Российского» как культурное наследие

Воздействие «Истории» Н. М. Карамзина обнаруживается в школьных учебных пособиях, в изданиях, предназначенных для юных, зафиксировано во многих воспоминаниях, в публицистике. А для особенно пытливых раннее знакомство с «Историей государства Российского» повлияло на формирование направлений их дальнейшей творческой деятельности – на это прямо указывают и родившиеся в 1820 г. историки И. Е. Забелин и С. М. Соловьев, и родившийся в 1864 г. А. А. Шахматов, и ученые меньшего масштаба, даже родившийся в 1885 г. москвовед П. В. Сытин.

Н. М. Карамзин сумел создать произведение, воспринимавшееся как выдающийся памятник современной ему культуры – и литературно-художественного мастерства, и научной мысли, особенно показательный отражением вкусов, общественных воззрений и уровня научных знаний именно той эпохи. Фрагменты «Истории государства Российского» в течение столетия неизменно включались в учебные хрестоматии по русской словесности.

Знакомство с историческим трудом Н. М. Карамзина за рубежом

Иностранцы и знакомые с зарубежной научной литературой россияне высоко оценили «Историю государства Российского» – книги были переведены на иностранные языки и воспринимались в ряду значительных исторических трудов Европы своего времени. М. М. Сперанский писал из Пензы Н. М. Карамзину, приславшему туда первые восемь томов «Истории»: «Я ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее или вообще прекраснее» [35, с. 919]. Знаменитый немецкий публицист Л. Бёрне характеризовал Карамзина как «великого историка» и заявлял, что «мастерское произ-

ведение» «достойно своего предмета», а гейдельбергский профессор Ф.-Х. Шлоссер в своей знаменитой многотомной «Всемирной истории», написанной в середине XIX в., опирался именно на узnanное у Карамзина, излагая события российской истории (из сочинений Шлоссера К. Маркс позднее делал хронологические выписки по российской истории) [7, с. 348–363].

Н. М. Карамзин
выступил
зачинателем
традиции
публичных лекций
профессоров истории

Эффективность издания «Истории» Н. М. Карамзина проявилась и в пробуждении интереса читающей публики к размышлениям об изучении прошлого России – напечатано было много откликов в журналах, вызвавших, в свою очередь, разного жанра словесную реакцию (в виде эпиграмм тоже), внесены были изменения в преподавание истории. Сам Н. М. Карамзин, читавший публично главы готовящихся к изданию томов «Истории государства Российского», выступил, по существу, зачинателем традиции публичных лекций профессоров истории. И уж, безусловно, издание это стимулировало выявление, описание, публикацию памятников истории, т.е. развитие археографии во всех ее сферах (которые ныне определяются как полевая, описательная и эдиционная археография), развитие источниковедения, археологии, этнографии, историографии (в современном понимании), краеведения.

Особенно существенно то, как относились к историографическому наследию Н. М. Карамзина ведущие историки России последующих десятилетий, обучавшие в университетах будущих специалистов в области преподавания и изучения отечественной истории. Профессор Московского университета М. П. Погодин казался обществу панегиристом Н. М. Карамзина – выступил с речью при открытии памятника Карамзину в Симбирске в 1845 г. и стал автором первого основанного на изучении многих архивных материалов жизнеописания Н. М. Карамзина (завершенного к празднованию столетия со дня рождения историографа – в 1866 г.). М. П. Погодина признавали тогда историком-консерватором; именно его в сатирическом плане называет в «Истории одного города» М. Е. Салтыков-Щедрин, где градоначальник Грустилов (явно напоминающий Александра I) характеризуется как «друг Карамзина».

С. М. Соловьев:
Н. М. Карамзин –
историк XIX века

Серьезный труд об «Истории государства Российского» на уровне уже новейшей исследовательской историографической методики написал сменивший М. П. Погодина на кафедре Московского университета С. М. Соловьев – либерал по общественным взглядам, он рано заявил о себе как о крупнейшем ученом новой формации,

характерной для мировой науки второй половины XIX в. Показательно то, что, приступив к работе по изданию многотомной «Истории России с древнейших времен», С. М. Соловьев счел важным и подготовку трудов (в виде серии статей в 1853–1856 гг.) «Н. М. Карамзин и “История государства Российского”» и «Писатели русской истории XVIII века». Он ставил своей задачей установить отношение историографа к историческим источникам и трудам предшественников и отмечал, что и историки XVIII века, и Карамзин «смотрят на историю как на науку опыта», но Н. М. Карамзин – «историк XIX века уже предчувствует в истории науку народного самопознания» [27, с. 49].

Н. М. Карамзин
настаивал на
занимательности
русской истории

Н. М. Карамзин «настаивает на занимательности, увлекательности и, так сказать, картинности русской истории», и занятия историей, по его убеждению, доставляют удовольствие не только разуму, но и сердцу. С. М. Соловьев, сравнивая изложение событий древней истории России В. Н. Татищевым, М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным, удивлялся «искусству, с каким Карамзин сделал свой текст удобным» для чтения легкостью рассказа: выбором подробностей; «нельзя не удивляться здравому смыслу, – писал С. М. Соловьев, – с каким он обошел безрезультатные толки о происхождении народов и народных имен» [Там же, с. 51, 63]. С. М. Соловьев видел в Н. М. Карамзине выдающегося ученого-историка, главного своего предшественника, хотя ему, очевидно, претило то, что в «Истории» Карамзина слишком много «исторической живописи» и потому «критика рассматривает “Историю государства Российского” преимущественно с точки зрения художественной».

С. М. Соловьев
о великом значении
творения
Н. М. Карамзина

С. М. Соловьев, опираясь не только на текст «Истории» Н. М. Карамзина, но и на опубликованные к тому времени письма историографа, так характеризует подход его к историческому «деписанию»: «С восторгом приветствовал Карамзин времена Иоанна III, прельстившие его рядом громких событий, достойных пера историка, избавлявшие его от мелких событий старины удельной, от бессмысленных драк княжеских, по его выражению... Еще с большим восторгом приветствовал он знаменитое царствование Иоанна IV, при описании которого талант его мог найти для себя обильную пищу, мог выказаться в полном блеске и достойным образом довершить творение» [Там же, с. 145–146]. «Оканчиваю Василия Ивановича, – писал Карамзин Тургеневу, – и мысленно уже смотрю на Грозного: какой славный

характер для исторической живописи. Жаль, если выдам Историю без сего любопытного царствования, тогда она будет, как павлин без хвоста» [27, с. 186]. Заканчивает С. М. Соловьев свое сочинение четкой оценочной формулировкой о «великом значении разбираемого творения».

Н. Г. Чернышевский
отмечал важность
«Истории
государства
Российского»
Н. М. Карамзина

Н. Г. Чернышевский, которому в 1850–1860-е гг. были чужды и историко-государственная концепция Н. М. Карамзина, и этические идеалы историографа, не раз отмечал важность обращения к «Истории государства Российского» с возрастанием интереса к занятиям местной историей, и значимость «Примечаний» к основному тексту, остающихся ценнейшей источниковой базой при изучении отечественной истории до воцарения династии Романовых, и убежденно провозглашал, что Карамзин «сообщил своему труду, с одной стороны, высокое литературное достоинство, с другой стороны, достоинство архива» [36, с. 193].

Д. С. Лихачев:
«Карамзин –
родоначальник
русских школ
гуманитариев»

Академик Д. С. Лихачев в одной из своих последних статей, где утверждалось, что «историческая наука – величайшая школа нравственности», охарактеризовал сложившиеся в XIX – начале XX в. черты московской и петербургской школ ученых-гуманитариев, «осмысление истории не только в научной, но и в художественной форме» москвичами и источниковедческую направленность трудов петербуржцев. И в этой связи он подметил, что Н. М. Карамзин был в своей «Истории государства Российского» родоначальником обеих школ – московской и петербургской; в своем основном изложении – московской, в своих не утративших своего значения «Примечаниях» – петербургской» [37, с. 10].

В. О. Ключевский:
Н. М. Карамзин
«много помог
русским людям
лучше понимать свое
прошлое»

В. О. Ключевский в записях конца 1890-х гг. отмечает, что Н. М. Карамзин «много помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической наукой», ибо, как полагал В. О. Ключевский, «взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике» [25, с. 134].

Труд
Н. М. Карамзина
глазами видных
деятелей науки и
культуры

С конца XIX в., когда в трудах по историографии научно-исследовательский и нравственный подходы стали подменяться политико-идеологическим, Н. М. Карамзина стали изображать, прежде всего, официальным верноподданническим историком, а по утверждению П. Н. Милюкова, даже не участвовавшим в развитии исторической науки. Соображения такие

без достаточного источниковедческого обоснования и скорее в публицистическом, чем в исследовательском, жанре в его «Очерках по истории русской культуры». То же он счел допустимым написать и в статье о Карамзине-историке в томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшем в 1895 г.: «...Не внеся ничего нового в понимание русской истории, Карамзин и в разработке подробностей находился в сильной зависимости от своих предшественников» [38, с. 412]. С. Ф. Платонов позднее (в докладе 1926 г.) отметил «предвзятую враждебность к Карамзину, какой страдает Милюков», а университетский учитель его, академик К. Н. Бестужев-Рюмин в изданном в 1897 г. томе «Русского биографического словаря» в статье о Н. М. Карамзине счел должным подчеркнуть новаторство историографа в сравнении с предшественниками и введение им в научный обиход ценных исторических источников [Там же].

«Первый цельный взгляд на русское историческое прошлое»

В «Лекциях по русской истории», в «пересмотренном и исправленном» 10-м издании, вышедшем в 1917 г., С. Ф. Платонов указывал на то, что именно в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина «создался наконец... первый цельный взгляд на русское историческое прошлое» и изложение его основано «на многочисленных изысканиях, которые до нашего времени сохраняют за его Историей важное научное значение».

«Типичная придворная история»

М. Н. Покровский пошел еще дальше, охарактеризовав многотомный ученый труд Н. М. Карамзина как «типичную придворную историю». В его лекциях 1923 г. «Борьба классов и историческая наука» историограф изображался воинствующим националистом, крепостником, находящимся в прямой зависимости от политико-экономической конъюнктуры [39].

Академик С. Ф. Платонов решился противостоять суждениям главы «исторического фронта» партийных историков, выступив с докладом к 100-летию со времени кончины Н. М. Карамзина, во многом опиравшимся на похвальное слово Н. М. Карамзину, произнесенное им в 1911 г. при открытии памятника Н. М. Карамзину в подмосковном Остафьево, но текст этот оставался ненапечатанным при жизни автора. Доклад, озаглавленный «Карамзин-историк», завершался очень смелым по тому времени заявлением: «На трудах Карамзина все мы в свое время учились тому, как честно следует работать историку. Не лишним будет заметить, что и в настоящее время многие могли бы не без пользы этому поучиться именно у Карамзина» [40].

Зрелый
А. С. Пушкин
преклонялся перед
личностью,
талантом, ученостью
Н. М. Карамзина

По существу, оценочную характеристику Н. М. Карамзина-историка пытались свести к расширительному толкованию эпиграммы юного А. С. Пушкина, будто задачей изложения, привлекательного «изяществом» и «простотой», было убедить в «необходимости самовластия», даже «прелести кнута». При этом озорное высказывание юного поэта (вероятнее всего, как показал наш блистательный знаток литературы и нравов пушкинской поры В. Э. Вацура, основывавшееся на факте замены Иоанном III трем провинившимся смертной казни наказанием кнутом) [41] не рассматривали в сопоставлении с многими высказываниями (и в печати, и в переписке, и в мемуарах) более зрелого А. С. Пушкина, преклонявшегося перед личностью, талантом, ученостью Н. М. Карамзина и возвеличивавшего его «подвиг честного человека», посвятив его памяти своего «Бориса Годунова» [12].

Вульгаризация
исторического труда
Н. М. Карамзина

Очерняли «Историю» Н. М. Карамзина, примитивно вульгаризируя и искажая исторические взгляды историографа и в годы влияния М. Н. Покровского, и после того, как стали сосредоточиваться на «ошибках Покровского и его “школки”». Это объясняется, конечно, не тем, что Н. М. Карамзин был идеологом монархизма и развитию государственности в истории придавал большее значение, чем классовой борьбе (при И. В. Сталине самовластие достигло невиданного после Ивана Грозного масштаба; сам И. В. Сталин откровенно инициировал в литературе, искусстве, науке пропаганду образа сильного государя); неприемлем был нравственный критерий, с которым историограф подходил к характеристике и оценке исторических явлений и особенно исторических личностей.

Именно Н. М. Карамзину удалось создать произведение, сыгравшее беспримерную роль в развитии национального самосознания

Вследствие всего этого «История государства Российского» выпала и из истории литературы – обращалось внимание лишь на литературное творчество Н. М. Карамзина предшествующих лет. Философ и культуролог А. В. Гулыга в статье «Подвиг Карамзина», указав, что «именно ему удалось создать произведение, сыгравшее беспримерную роль в развитии национального самосознания», закончил словами призыва: «требуется переиздание... Чем скорее, тем лучше» [42, с. 155–176].

Но переиздания стали появляться лишь тогда, когда явственнее стало ощущение «перестройки», с конца 1980-х гг. (без примечаний и в сокращенном виде). В 1988–1989 гг. вышли книги репринтного воспроизведения 5-го издания 1840-х гг., и с 1989 г. стало выходить академическое издание «Истории государства Рос-

сийского». Показательно и то, что с последней трети XX в. усилилось внимание к Карамзину-историку и за рубежом (особенно выделяются труды английского ученого А. Г. Кросса).

Период разномыслия в формировании идеологии

Проявление широкого интереса к «Истории» Н. М. Карамзина – показатель изменений, происходивших в общественной жизни и общественном сознании тех лет, когда обнаружилась возможность разномыслия и в воспитании истории стало допустимым усматривать не только формирование идеологии, но и нравственное начало.

В 1991 г. на правительственном уровне был отмечен юбилей Н. М. Карамзина, точнее сказать, тройной юбилей – 225-летие со дня рождения, 200-летие «Писем русского путешественника» и 175-летие со времени начала печатания первых томов «Истории государства Российского». 11 декабря 1991 г. на торжественном вечере в Колонном зале Дома союзов (где в Дворянском собрании не раз бывал и Н. М. Карамзин) вступительное слово сказал председатель юбилейного комитета, академик Д. С. Лихачев. С докладами выступали писатель академик С. П. Залыгин («Универсальность творческой личности (Карамзин как писатель)»), историк С. О. Шмидт («Н. М. Карамзин – историк»).

Роль Карамзина в русской культуре велика и многообразна

Д. С. Лихачев указал: «...роль Карамзина в русской культуре столь велика и многообразна, что можно даже говорить не об одном Карамзине, а о нескольких Карамзиных, значение которых в равной степени высоко» и в одной-двух фразах образно охарактеризовал Карамзина-писателя, Карамзина – реформатора русского языка, Карамзина – посла русской культуры в Европе, Карамзина-издателя, Карамзина-историка, Н. М. Карамзина «как замечательную общественную личность, первого русского интеллигента, представителя уже оформившейся вместе с ним русской интеллигенции». И завершил обращение к соотечественникам такими словами: «Благородство – именно та черта, которая свойственна деятельности Карамзина во всех сферах и его убеждениям. Редкий человек прожил свою жизнь с таким достоинством, как это сделал Карамзин» [43, с. 10–11].

Н. М. Карамзин – великий историк

С тех пор стало все более вновь закрепляться представление о Н. М. Карамзине как о великом историке. И теперь, с выходом новейших трудов о Карамзине-писателе, Карамзине-историке, Карамзине-мыслителе, заметно влиявшем на общественное сознание, становится все очевиднее, что Н. М. Карамзин был одним из самых авторитетных людей для современников войн с Наполеоном.

Соображения Николая Михайловича Карамзина-историка надолго определили не только представления об отечественной истории до Нового времени, но и сам подход к историческим явлениям, что отражено и в учебной литературе, и в произведениях литературы, и в искусствах исторической тематики.

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Т. 1. – М., 1989.
2. *Пушкин А.С.* Критика. Автобиография // Полн. собр. соч. [в XVII т.] – Т. XII. – М., 1996.
3. *Пушкин А.С.* Критика и публицистика, 1819–1834 // Полн. собр. соч. [в XVII т.] – Т. XI. – М., 1996.
4. *Пушкин А.С.* Переписка, 1815–1827 // Полн. собр. соч. [в XVII т.] – Т. XIII. – М., 1996.
5. Остафьевский архив князей Вяземских: [в IV т.]. – Т. III. // Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. – СПб., 1899.
6. *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения. – М., 1935.
7. *Шмидт С.О.* Подвиг наставничества. В. А. Жуковский – наставник наследника царского престола // В кн.: Памятники письменности в культуре познания истории России: в 2-х т. – Т. 2. – Кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. – М., 2009.
8. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. – М., 1980.
9. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. – М., 1991.
10. *Чаадаев П.Я.* Сочинения. – М., 1989.
11. *Шмидт С.О.* Н. М. Карамзин – историк // Венок Карамзину. – М., 1992.
12. *Шмидт С.О.* Пушкин и Карамзин // В кн.: Шмидт С.О. Памятники письменности. – Т. 2. – Кн. 1. – М., 2009.
13. *Карамзин Н.М.* Автобиография; Письма русского путешественника; Повести: Соч. в 2-х т. – Т. 1. – Л., 1984.
14. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984.
15. *Ломоносов М.В.* Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. // Полн. собр. соч. – Т. 6. – М.; Л., 1952.
16. *Карамзин Н.М.* Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского» // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – Л., 1984.

17. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. – М., 1941.
18. Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Репринт, воспроизведение. – Т. 2. – М., 1987.
19. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Т. 1. – Таллин, 1992.
20. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписи). – М., 1999.
21. Русский биографический словарь. – Т. 8. Ибак–Ключарев. – СПб., 1897 [переиздание 1994].
22. *Тургенев А.И.* Хроника русского: Дневники 1825–1826. – М.; Л., 1964.
23. *Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI–XV вв. – СПб., 1885.
24. *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. – Ч. II. – М., 1866.
25. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. – М., 1983.
26. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. – М., 1993.
27. *Соловьев С.М.* Работы разных лет // Соч. в XVIII кн. – Кн. XVI. – М., 1995.
28. *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб., 2004.
29. *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. – М., 1983.
30. *Майков В.В.* Литературная критика. – Л., 1985.
31. *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. – М., 1989.
32. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 гг.: Собр. соч. в 9-и т. – Т. 7. – М., 1956.
33. *Толстой Л.Н.* Дневник 1847–1854. // Полн. собр. соч. в 90 т. – Т. 46. – М., 1937.
34. Русская историческая живопись. Выставка 1939 г. – М., 1939.
35. Русский архив. – Кн. 1. – М., 1867.
36. *Чернышевский Н.Г.* Статьи и рецензии 1853–1855 // Полн. собр. соч.: в 15-и т. – Т. 2. – М., 1949.

37. *Лихачев Д.С.* Вместо предисловия // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия. – СПб., 1999.
38. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. – Т. 27. – СПб., 1899.
39. *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. – М., 1923.
40. *Сапченко Л.А.* Н. М. Карамзин в восприятии В. Н. и А. Н. Майковых // Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова. – Ульяновск, 2003. – С. 332–342.
41. *Вацуро В.Э.* Карамзин возвращается // Литературное обозрение. – М., 1989. – С. 33–39.
42. *Гулыга А.В.* Подвиг Карамзина // Искусство истории. – М., 1980. – С. 155–176.
43. Венок Карамзину: [сборник]. – М., 1992 (1993).
-

